

Джеймс Хэдли
Чейз

ВЫГОДНАЯ
СДЕЛКА

Марк Гирланд

Джеймс Чейз

Выгодная сделка

«Азбука-Аттикус»

1966

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Выгодная сделка / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1966 — (Марк Гирланд)

ISBN 978-5-389-16377-5

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом-распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» В течение почти полувековой писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы. В настоящем издании публикуется один из романов об агенте ЦРУ Марке Гирланде, созданный Чейзом в 1965–1969 гг.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16377-5

© Чейз Д. Х., 1966
© Азбука-Аттикус, 1966

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джеймс Хэдли Чейз Выгодная сделка

James Hadley Chase
YOU HAVE YOURSELF A DEAL

Copyright © Hervey Raymond, 1966
All rights reserved

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

© А. Е. Герасимов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Глава первая

Капитан О'Халлорен припарковал свой джип во дворе американского посольства, взял черный кожаный портфель, лежавший на сиденье, выбрался из машины и торопливо зашагал по ступеням подъезда. Он кивнул служащему, сидевшему за конторкой, и поднялся на второй этаж; пройдя по коридору, преодолел еще половину лестничного марша и едва не столкнулся с высокой, хорошо сложенной женщиной лет тридцати пяти – секретаршей шефа парижского отдела ЦРУ Маршей Дэвис. О'Халлорен остановился; лицо Марши озарилось улыбкой. Она окинула капитана внимательным взглядом. Брутальная внешность О'Халлорена, красное мясистое лицо, неправильной формы нос, светлые голубые глаза, решительно сжатые губы всегда волновали Маршу. Она часто пыталась представить, что испытала бы, оказавшись в его объятиях.

– Привет, Тим, – сказала она. – С чем пожаловал к нам?

– Старик у себя? – спросил О'Халлорен, размышляя, в свою очередь, о том, как повела бы себя эта эффектная рыжеволосая женщина, если бы ему удалось затащить ее в койку.

– А когда его нет? – отозвалась Марша. – Заходи... хоть бы на денек он отлучился. Ты уже отгулял свой отпуск?

– Отпуск? Что это такое? – улыбаясь, спросил О'Халлорен. – Дай-то бог хоть на Рождество отдохнуть. А ты?

– В сентябре... отправляюсь в круиз. До встречи, Тим.

Ослепительно улыбнувшись, она куда-то заспешила.

О'Халлорен посмотрел ей вслед. Он догадался, что бедра Марши соблазнительно двигаются в его честь. Затем, вернувшись мыслями к делам, он прошел дальше по коридору до двери с позолоченными буквами. «Центральное разведывательное управление. Начальник отдела Джон Дори», – прочитал капитан. Новенькая табличка так и сверкала; О'Халлорен усмехнулся, изумленно покачав головой. Значит, Дори одолел противников. Еще недавно сотрудники отдела заключали пари, сумеет ли Дори победить: Вашингтон прислал нового начальника отдела Торстена Уорли, а Дори, проработавший в посольстве тридцать восемь лет, оказался на вторых ролях. Но теперь Уорли отозвали в Вашингтон, а для Дори, разменявшего седьмой десяток, началась новая жизнь. О'Халлорен любил Дори и восхищался его готовностью рисковать, решительностью и широким кругозором.

Постучав, О'Халлорен открыл дверь и вошел в удобный кабинет; Дори сидел за большим письменным столом, уставясь в какие-то бумаги.

Невысокого роста, в очках без оправы, Дори был похож на птичку. Всегда элегантный, он казался скорее преуспевающим банкиром, чем шефом отдела ЦРУ. Он наконец оторвал взгляд от бумаг, откатился в кресле назад и посмотрел на О'Халлорена поверх очков:

– Здравствуй, Тим. Не виделись несколько недель. Что-то случилось?

О'Халлорен, не закрыв дверь, указал на табличку с позолоченными буквами:

– Мои поздравления, сэр.

Дори сдержанно улыбнулся:

– Спасибо. Закрой дверь и садись. – Он взял позолоченную авторучку и, глядя на нее, продолжил: – Выигрывает тот, кто в нужный момент правильно распорядится своими картами.

– Я должен это запомнить, сэр.

О'Халлорен снял форменную фуражку и сел в одно из кресел, стоявших перед столом Дори.

– Я собирался уйти на пенсию, – произнес Дори, обращаясь как бы к самому себе, – но история с Робертом Генри Кэри изменила мои планы. – Он пожал плечами. – Иногда рука

Всевышнего сдает нам нужную карту... – Он отложил ручку в сторону и посмотрел в упор на О'Халлорена. – Ну, Тим, что стряслось?

– Сегодня утром ребята из Сюрте кое-что мне сообщили, – заявил О'Халлорен, расстегивая портфель. Он извлек оттуда листок бумаги и положил его на колени. – Я решил, что эта новость представляет для вас интерес.

Дори откинулся на спинку кресла. Он соединил кончики пальцев обеих рук. Он любил слушать в такой позе.

– Говори.

– Два дня тому назад, вечером четвертого числа, человек, парковавший свою машину на набережной Турнель, заметил лежавшую на асфальте женщину. Он окликнул проходившего неподалеку полицейского. Женщина была в состоянии комы. «Скорая помощь» доставила ее в больницу Святого Лазаря. Там не нашлось свободной койки. На женщине был звездно-полосатый шарф и сшитое в Штатах пальто. Это посчитали основанием для того, чтобы перевезти ее в американскую больницу.

О'Халлорен умолк, сверяясь с документом.

– Пока что все это не слишком интересно для меня, – с нотой нетерпения в голосе сказал Дори.

– Найденная женщина получила чрезмерную дозу барбитуратов, – размеренным голосом полицейского продолжил О'Халлорен, пропустив замечание Дори мимо ушей. – Ей оказали первую помощь и положили в палату. На следующий день она пришла в сознание. Оказалось, что она страдает сильной амнезией. Она понятия не имела, кто она такая, где живет... полная потеря памяти. Она бегло говорит по-английски с американским акцентом. Чем-то расстроена, заметно нервничает. Ее случай, конечно, не уникальный. Встречаются разные формы амнезии. Доктор Форрестер, лечащий врач палаты, где лежит женщина, хочет выписать ее из больницы. Им нужны свободные койки. Он передал описание пациентки полиции, и там решили, что она, вероятно, шведка или норвежка, но звонки в соответствующие посольства ничего не дали.

– Почему они решили, что она шведка или норвежка? – спросил Дори.

– Она похожа на скандинавку: высокая блондинка с типичной внешностью.

– Документов у нее нет?

– Нет. Даже сумочки не было.

Дори нетерпеливо поерзал в кресле:

– Что дальше?

– Я получил рапорт из Сюрте о ней сегодня утром. – О'Халлорен посмотрел на бумагу, лежавшую у него на коленях. – Вот ее словесный портрет: очень красивая блондинка с синими глазами, загорелая, рост пять футов семь дюймов, вес 126 фунтов. – Он замолчал, глядя на Дори. – Особые приметы: маленькая родинка на правом предплечье и три китайских иероглифа на левой ягодице.

Дори посмотрел на О'Халлорена, затем, взяв авторучку, потер свой тонкий нос сверкающим позолоченным колпачком:

– Китайские?

– Да. Три китайских иероглифа. – О'Халлорен положил документ на стол. – Десять месяцев тому назад из вашего отдела, сэр, ко мне поступил один меморандум. Он был посвящен Фенг Хо Кунгу – главному пекинскому конструктору ракетной техники. Среди прочей бесполезной информации сообщалось, что этот ученый немного не в себе. Он обожает помечать своими инициалами все, что ему принадлежит. Они есть на его доме, автомобиле, лошади, собаках, посуде, предметах одежды, обуви... на женщинах, обслуживающих его. Я помню, там было написано, что год тому назад он завел любовницу-шведку. Полное имя ученого состоит из трех слов. Возможно, на ягодице женщины сделана татуировка с его инициалами. Поэтому... –

О'Халлорен потянулся всем своим могучим телом, на его лице появилась улыбка. – Я решил, что вам следует знать об этом происшествии.

– Кто еще получил этот рапорт?

– Британское и скандинавские посольства, а также редакция «Франс матэн».

Дори поморщился. Он терпеть не мог «Франс матэн». Едва где-то начинало пахнуть жареным, эта газета была готова тотчас поднять шумиху.

– Из Сюрте передали информацию прессе?

– Я успел их остановить.

– Но «Франс матэн» ее получила?

О'Халлорен извлек газету из портфеля и положил ее на стол.

– Да, получила, – сказал он.

На второй странице под шапкой «Вы знаете эту женщину?» был помещен плохой, нечеткий снимок, сделанный обычным полицейским фотографом; на снимке была запечатлена светловолосая женщина, чей возраст трудно определить по фотографии, но довольно молодая. Даже отвратительное качество снимка не могло скрыть ее красоту.

«На теле таинственной незнакомки обнаружены китайские иероглифы, которые еще предстоит перевести».

Прочитав эту фразу, Дори хмыкнул.

– Как газетчики о ней разнюхали? – сердито спросил он.

О'Халлорен пожал плечами:

– А как стервятник обнаруживает пищу, находящуюся в двадцати милях от него?

Дори снова откинулся на спинку кресла. Подумав, он медленно произнес:

– Возможно, за этим ничего не стоит: многие женщины... – Он смолк, покачав головой. –

Три китайских иероглифа! Нет, вряд ли это просто совпадение. – Он подался вперед. – Тим, отнесемся к этому с предельной серьезностью. Пусть лучше мы перестрахуемся, но если эта женщина... – Он забарабанил пальцами по столу. – Какие шаги ты уже предпринял?

– Кое-какие меры предосторожности. – О'Халлорен говорил уверенным тоном человека, знающего свое дело. – Оказалось, что в больнице сейчас проходит обследование генерал Уэйнрайт. Благодаря этому появился предлог поставить в коридоре охранника. Уэйнрайт лежит на том же этаже, что и неизвестная женщина. Я позвонил доктору Форрестеру и предупредил его, что пациентка представляет интерес для спецслужб. Попросил прикрепить к ней проверенную медсестру. Охранник получил указание впускать в палату только одну девушку. Я предупредил сотрудника приемного покоя о необходимости задерживать всех направляющихся к ней посетителей.

Дори кивнул:

– Прекрасно, Тим. Я беру это дело в свои руки. Прежде всего следует выяснить, что означают эти иероглифы на теле женщины. Если, на наше счастье, она действительно любовница Кунга, то мы отвечаем за нее головой. Поезжай в больницу, Тим. Проследи, чтобы ничего не случилось, пока я все тут организую.

О'Халлорен поднялся с кресла:

– Возможно, мы только потеряем время, сэр.

– А если нет? – Дори улыбнулся. – Мне повезло, что такой человек, как ты, работает у меня. Поторопись. Я кое-что предприму здесь.

Когда О'Халлорен покинул кабинет, Дори на мгновение задумался, потом кивнул самому себе и протянул руку к телефонной трубке.

В одном из грязных дворов улицы Ренн находится ресторан «Le Temple du Ciel», что в переводе с французского означает «Небесный храм». Он не упоминается ни в одном путеводителе, но это лучший китайский ресторан Парижа. Туристу, случайно оказавшемуся здесь, с сочувственной улыбкой сообщают, что все столики заказаны. «Небесный храм» обслуживает только китайцев.

Когда Дори разговаривал с О'Халлореном, Чанг Ву, владелец ресторана, сидя у кассы, наблюдал за тем, как официанты подают ланч полудюжине завсегдатаев, которые сидели за высокими шелковыми ширмами, окружавшими столы. Щелканье костяшек для игры в маджонг, громкие голоса и звуки джаза создавали тот шумовой фон, без которого каждый китаец чувствует себя одиноким и несчастным.

Пронзительно зазвонил телефон. Чанг Ву снял трубку, послушал, потом заговорил на кантонском диалекте. Положив трубку возле аппарата, он направился к столику, за которым сидел приступивший к ланчу Саду Митчел.

Когда Чанг Ву появился из-за ширмы, палочки, зажатые в руках Саду Митчела, с легким перестуком мелькали над тарелкой, наполненной отборными креветками. Чанг Ву поклонился сначала Саду, затем, чуть повернувшись, – сидевшей рядом с ним молодой вьетнамке.

– Извините, месье... телефон... срочно, – на ломаном французском произнес Чанг.

Из уст Саду вырвалось бранное слово, вызвавшее усмешку у его спутницы. Он бросил палочки на стол и знаком отпустил Чанга Ву.

Саду Митчел был высоким, стройным, узколицым, всегда безупречно одетым человеком с зачесанными назад иссиня-черными волосами. Его жесткие миндалевидные глаза напоминали черные бусинки. Он был побочным сыном американского миссионера, потерпевшего крах в своей деятельности лет тридцать назад. Когда отец Саду наконец осознал, что его проповеди оставляют слушателей равнодушными, он нашел утешение в обществе привлекательной юной китаянки, которая считала своим долгом облегчить тяжкую долю священника, изнемогающего от неблагодарных трудов. Последствием ее участия в его судьбе стало появление на свет Саду – полукитайца, полуамериканца, который ненавидел Соединенные Штаты за незаконность своего рождения.

За последние десять лет Саду преуспел в роли владельца маленького бутика, расположенного на улице Риволи; он продавал там американским туристам украшения из нефрита и дорогие антикварные изделия. Он не умел обходиться без женщин. Год назад после ряда неудач он встретил девушку-вьетнамку, Пирл Куо, чья красота пленила его. Он обнаружил, что по сравнению с ее ненавистью к Америке его отношение к этой стране слишком несерьезное. За один воздушный налет янки в Северном Вьетнаме она потеряла всех своих родных и кров. Она бежала в Ханой и стала там китайским агентом. Потом китайцы послали ее в Париж. Она быстро убедила Саду в том, что он обязан помочь Пекину. Поскольку он постоянно контактирует с американцами в своем магазинчике, объяснила ему Пирл, у него есть возможность собирать информацию, которую он должен передавать сотруднику китайского посольства Етсену. Саду увлекла эта идея. Его поражало, что американцы говорят в чужой стране так, словно никто на свете, кроме них, не владеет английским. Порой их легкомыслие было просто удивительным. Обрывочные сведения, поступавшие от Саду, помогали питать китайскую пропагандистскую машину. Он ощущал себя полезным, сводя таким образом счеты со своим отцом, умершим десять лет тому назад. Саду не сознавал, что его готовят к более важной и опасной работе. Вдохновляемый Пирл, осторожно ведомый Етсеном, Саду приближался к точке невозврата.

Этот телефонный звонок должен был превратить его в настоящего тайного агента.

Отодвинув ширму, он подошел к телефону и взял трубку.

– Да? Кто это? – раздраженно спросил он, думая об остывающих креветках.

– Я нахожусь у вашего магазина. Срочно приезжайте сюда.

Он узнал гортанный голос Етсена.

– Сейчас я не могу. Я...

– Немедленно.

В трубке раздались гудки.

Выругавшись, Саду вернулся к столу. Пирл вопросительно посмотрела на Митчела.

– Это Етсен, – недовольно произнес Саду. – Он хочет видеть меня.

– Тогда ты должен поспешить, дорогой.

– Я ему не слуга, – неуверенно выговорил Саду.

– Ты обязан ехать, дорогой.

Влияние Пирл на Саду было столь сильным, что его сомнения развеялись.

– Тогда жди меня здесь, – сказал он. – Я скоро вернусь.

Саду покинул ресторан.

Меньше чем за десять минут он домчался на своем автомобиле «Триумф TR-4» до бутика. Когда Саду остановил машину, толстый китаец, рассеянно разглядывавший в витрине нефриты, повернулся, подошел к автомобилю, сел в него и тихо сказал:

– Поедем куда-нибудь, где мы сможем поговорить.

Автомобиль поехал вниз по улице Риволи. Миновав площадь Согласия, они оказались на набережной.

– Дело срочное и важное, – сказал Етсен. – Мы выбрали вашу кандидатуру. Это большая честь. Припаркуйте машину возле луврского парка.

Волнение охватило Саду. Он посмотрел на сидевшего рядом толстяка, одетого в костюм из грубой ткани; лицо китайца было непроницаемым, маленькие ручки, точно вырезанные из слоновой кости, лежали на животе. Саду въехал в парк, нашел свободное место для стоянки перед Министерством финансов – был час ланча – и заглушил мотор.

Етсен вытащил из кармана экземпляр «Франс матэн» и протянул газету Саду. Китаец щелкнул пальцем по фотографии блондинки.

– К завтрашнему утру эта женщина должна быть мертвой, – сказал он. – Мы верим в вас. Вам окажут необходимую помощь, но все организуете вы сами. В шесть часов вечера вам позвонит человек. Он будет лишь исполнителем. Мозгом операции станете вы. Теперь слушайте меня внимательно...

Саду сидел не двигаясь; он слушал, сжав тонкими длинными пальцами руль машины. Это был решающий момент. Он внезапно понял, что долгие годы тлевшая в его сердце ненависть к Америке завела его весьма далеко. Он не знал, радоваться или огорчаться этому, но инстинктивно ощущал, что задание придется выполнять, какие бы чувства им ни владели.

Лондонская Бонд-стрит всегда притягивает туристов. Даже после половины шестого, когда магазины закрыты, люди из разных стран мира продолжают гулять по оживленной улице, разглядывая витрины, любясь старинными гравюрами, книгами в кожаных переплетах, бельем, дорогими камерами и роскошными подарками марки «Эспри».

В толпе, наводняющей Бонд-стрит в семь часов вечера, находился высокий, атлетического телосложения мужчина, одетый в поношенный костюм иностранного покроя, рубашку и галстук от Маркса и Спенсера и стоптанные башмаки. У него были коротко стриженные серебристые волосы, квадратное скуластое лицо и тусклые зеленые глаза. Ему можно было дать от тридцати до сорока лет. Ростом он чуть-чуть недотягивал до шести футов и пяти дюймов. Его загорелое лицо не выражало никаких эмоций. Он передвигался легкой поступью боксера, засунув крупные руки в карманы брюк.

Этот мужчина, известный под фамилией Маликов, был самым успешным русским агентом. Он находился в Лондоне уже неделю, получив указание гулять по Сити, осваиваться, изображать из себя туриста. Его предупредили, что, возможно, будет работа.

Маликов отдыхал, расслаблялся. Он поселился в дешевой гостинице на Кромвель-роуд. Он чувствовал, что за ним следит МИ-6, а также кто-то из своих. Маликова это не беспокоило. Таковы были правила игры, а он относился к своей работе как к игре – волнующей, приносящей удовлетворение, позволяющей реализовать садистские наклонности.

Этим вечером, гуляя по Бонд-стрит, он разжигал свою подавленную страсть к обладанию дорогими вещами. Время от времени Маликов замирал перед витриной и смотрел зелеными глазами на предметы роскоши, которыми ему не суждено было владеть. В их числе была, например, портативная игральная рулетка, и он охотно приобрел бы ее. Великолепный блокнот в кожаном переплете с авторучкой из серебра и оникса притягивал его, как вожделенная игрушка манит ребенка. Он смотрел сквозь стекло с маской равнодушия на лице, не вынимая больших сжатых кулаков из карманов.

Он неохотно зашагал дальше, борясь с желанием задержаться подольше у витрин и снова поглядеть на все эти соблазны; Маликов помнил, что некто, завидуя его репутации, готов в любой момент настрочить донос и неотступно следует за ним по пятам.

Отрывистый звук автомобильного сигнала заставил Маликова оглянуться. Он увидел медленно едущий «ягуар»; обогнав Маликова, машина поползла чуть впереди него.

За рулем сидела блондинка лет двадцати трех в норковой накидке. Она зазывно смотрела на Маликова и улыбалась. Глубокие складки возле уголков рта придавали ей порочный вид.

Маликов отвернулся. Зашагал дальше. Горячая волна прокатилась по его телу. Маликова внезапно охватило желание поехать с этой шлюхой и показать ей, в какое стонущее, задышающееся, измученное существо способен превратить женщину русский. Справляясь с минутным порывом, Маликов ощутил, что на лбу выступили капельки пота. Он продолжил свой путь, не забывая о невидимом соглядатае, который не сегодня завтра доложит начальству о каждом его шаге, похвальном или предосудительном.

«Ягуар» прижался к тротуару. Когда Маликов поравнялся с девушкой, она негромко произнесла:

– Зачем скучать в одиночестве, милый? Мы могли бы неплохо развлечься.

Маликов не остановился. Предметы роскоши, красующиеся в витринах, вдруг потеряли свое очарование. Ему захотелось вернуться в гостиницу. Четыре стены, зашторенное окно и запертая дверь сулили ему убежище от чужих глаз, в котором он нуждался.

«Ягуар» набрал скорость. Маликов без сожаления проводил его взглядом. Добравшись до Пикадилли, он услышал попискивание своего приемника, выполненного в виде наручных часов. Этот сигнал означал, что Маликов нужен шефу. Он тотчас взял себя в руки, мигом позабыв о плотских желаниях и соблазнительной роскоши. Нажав кнопку, он выключил сигнал и быстро зашагал по Пикадилли к гостинице «Беркли». Не обращая внимания на швейцара в высокой шляпе, он зашел в вестибюль и сквозь собравшуюся здесь толпу праздно болтающих, нарядно одетых людей пробрался к телефонному аппарату. Проигнорировав презрительный взгляд, которым служащий отеля окинул его костюм, Маликов назвал клерку нужный номер. Когда человек указал на телефонную будку, Маликов закрылся в ней. Там пахло дорогими духами, и на мгновение он вспомнил о блондинке в «ягуаре». Его громадные кулаки сжались. Показать бы ей, как умеют русские обращаться с женщиной! Телефон затрещал, и Маликов снял трубку.

– Аллю? – прозвучал мужской голос.

– Четыре плюс два, плюс шесть равняется двенадцати, – произнес Маликов свой личный пароль.

– Немедленно отправляйтесь в Париж. Для вас зарезервировано место на рейс 361. Время вылета 20:40. Ваши вещи сложены и ждут вас на аэровокзале. В Ле-Бурже вас встретит С.

Послышались короткие гудки.

Маликов оплатил разговор. Выйдя из отеля, он взял такси и поехал к аэровокзалу.

Бледный толстяк, известный Маликову под именем Дрина, ждал его в вестибюле. Дрина имел при себе потрепанный чемодан Маликова, билет и триста французских франков.

– У вас еще есть немного времени, – почтительно заметил Дрина. Он восхищался своим коллегой, завидовал его таланту и энергии, позволившим Маликову заслужить репутацию лучшего агента. – Я могу вам чем-то помочь? Я тщательно сложил ваши вещи. Вас встретит Смирнов. Он будет вам признателен, если вы захватите для него не облагаемые пошлиной сигареты. – Бледное лицо расплылось в улыбке. – Я подумал, что не мешает напомнить вам об этом.

Маликов ненавидел этого ничтожного человека, как и вообще всех неудачников. Ему порой приходилось иметь дело с такими типами; их услужливые, заискивающие манеры раздражали Маликова.

Молча взяв чемодан, билет и деньги, Маликов расстался с ним. Он знал, что наблюдение еще не снято. Нельзя было даже обматерить толстяка.

Прибыв в Ле-Бурже, Маликов без осложнений прошел полицейскую проверку. Его поддельный паспорт был в полном порядке. Он изображал из себя находящегося в отпуске гражданина Америки. Полиция Ле-Бурже привыкла к американцам. Люди каких только национальностей не прибывали из Штатов! Этот славянин не вызвал у них подозрений. Франции пригодятся его доллары. Маликов прошел через турникет и оказался в просторном зале, где его ждал Борис Смирнов. Маликов обрадовался, увидев его. Смирнов знал свое дело. Он заслужил репутацию умного и безжалостного оперативника. Маликов часто с ним работал. Крупный, атлетически сложенный, лысеющий, с маленькими злыми глазками, Смирнов обладал даром безропотно сносить тяготы службы. Его профессиональное кредо было таким: все возможное будет сделано, невозможное – тоже.

Спустя несколько минут после прибытия Маликова в зале аэропорта произошла драка. Там внезапно появились три молодых панка с отвратительными физиономиями; парни в грязных кожаных куртках подошли к человеку, мирно сидевшему возле турникета, через который проходили пассажиры. Один из юношей ударил человека резиновой дубинкой по голове; на глазах оторопевших людей хулиганы выбежали на улицу, сели в потрепанный автомобиль «симка» и умчались в дождливый мрак.

Пострадавший был парижским агентом МИ-6, предупрежденным Лондоном о прилете Маликова. Его увезли на «скорой». Смирнов, организовавший нападение, был уверен в том, что других свидетелей появления Маликова в Париже нет.

Маликов пересек зал и приблизился к Смирнову, который скривил губы в улыбке.

– Ты привез мне сигареты? – спросил Смирнов, пожав руку Маликова.

– Отравляй себя сам, – отозвался Маликов. – Почему я должен приближать твою смерть?

– Ты думаешь только о себе, – пожав плечами, заметил Смирнов. – По моим сведениям, ты еще никогда никому не оказал услугу.

Маликов хмыкнул.

Когда они выходили из здания аэропорта, Маликов задумался над услышанным замечанием и с неудовольствием признал его справедливость.

Мужчины сели в «Пежо-404», оставленный Смирновым на парковке. Отпуская сцепление, Смирнов сказал:

– Это дело может оказаться непростым. Найдена женщина, страдающая полной потерей памяти. Сейчас она в американской больнице. Ее считают любовницей Фенг Хо Кунга. Нам приказано похитить ее из больницы и доставить в дом, находящийся в Мальмезоне. Ты назначен ответственным за операцию. Американцам известно, кто она такая, они уже поставили в больнице охрану. Вполне возможно, что уже через несколько часов ее переведут в менее доступное место.

– По их мнению, она что-то знает? – спросил Маликов.

– Может знать.

Несколько секунд Маликов сидел молча, обдумывая задание. Оно ему нравилось. Он любил рискованные операции. Проникнуть в охраняемую больницу, забрать оттуда женщину и скрыться с ней – такая работа была в его вкусе.

– Ты уже что-нибудь предпринял или ждал меня?

– Дело срочное, – сказал Смирнов. – Я поручил человеку наблюдать за больницей и каждые десять минут докладывать о происходящем. По-моему, самый быстрый способ похитить ее – это просто войти в больницу и увезти женщину оттуда. Нам повезло. Американский генерал, проходящий обследование, лежит в палате на том же этаже, что и эта женщина. В моем распоряжении есть джип, автомобиль «скорой помощи» и американская военная форма. Если мой план тебе не по душе, скажи. Это твоя операция.

Маликов взглянул на суровое, жесткое лицо своего коллеги. Сегодня Смирнов был его помощником. Как скоро они поменяются ролями, если Смирнов и впредь сумеет проявлять такую сообразительность? – спросил себя Маликов. Смирнов разработал план за Маликова. Маликов знал это.

– Ты думаешь точь-в-точь как я, Борис. Работать с тобой – одно удовольствие. Отличный план. Он должен принести успех. Я доложу о тебе начальству; твои акции возрастут.

Смирнов засмеялся.

– Ты этого не сделаешь, – сказал он, – но, если ты одобряешь мой план, я охотно дарю его тебе. Что мне расположение начальства?

– Ты не честолобив, Борис? – спросил Маликов.

– Нет... а ты?

– Я сам порой спрашиваю себя об этом. Нет... наверно, тоже нет.

Смирнов раскрыл было рот, но ничего не произнес. Он вспомнил, что излишняя откровенность опасна.

– Кто будет ухаживать за женщиной, когда мы доставим ее в Мальмезон? – спросил Маликов. – Не мы же превратимся в сиделок?

– Я не прочь. Она очень красива, это было бы забавно, – сказал Смирнов. – Нет, Ковский поручил эту работу Мерне Доринской.

– Этой стерве? Что она делает в Париже? – настороженно спросил Маликов.

– Она часто здесь бывает. Говорят, Ковский и Доринская...

– Кто говорит? – рявкнул Маликов.

Испугать Смирнова было весьма трудно. Он пожал широкими плечами:

– Ты не знал? Это всем известно.

– Знал. Лучше об этом не говорить.

– Я бы предпочел забраться в койку с козлом, нежели с Мерной, – произнес Смирнов.

– Ковский не способен заметить разницу.

Мужчины засмеялись. Их смех стих лишь тогда, когда Смирнов заехал во двор русского посольства.

Джон Дори прибыл в американскую больницу в 16:40. Он испытывал сильное раздражение, теряя драгоценное время, но требовалось убедиться в том, что татуировка на ягодице женщины – не искусная имитация. Сначала пришлось искать китаиста Никласа Волферта. Оказалось, что Волферт отправился на один день в свое небольшое поместье в Амбуазе ловить рыбу. Пока его разыскивали, доставили вертолетом в Париж, привезли на машине в американское посольство и ввели в курс дела, прошло четыре часа. Кроме Волферта, Дори захватил с собой Джо Доджа, лучшего фотографа американского посольства.

Доктор Форрестер, высокий худощавый человек с темными кругами под глазами, принял Дори в своем кабинете. Волферт и Додж остались в коридоре.

Форрестер уже был предупрежден О'Халлореном о том, что пациентка – весьма важная персона; доктор согласился помочь Дори.

– Это дело может оказаться весьма секретным, – сказал Дори, сев в кресло. – Надеюсь, вы обеспечите безопасность женщины. Есть масса причин, по которым кое-кто может попытаться убить ее. Я хотел бы, чтобы еду для нее готовил один надежный человек. За пациентом должна ухаживать медсестра, которой вы полностью доверяете.

Форрестер кивнул:

– Капитан О'Халлорен уже предупредил меня об этом. Я сделал все от меня зависящее. Что еще вы хотите?

– Я хочу сфотографировать татуировку. Я привез с собой фотографа.

Форрестер нахмурился:

– Татуировка находится на ягодице пациентки. – Он подался вперед и пристально посмотрел на Дори. – Вряд ли она позволит незнакомому человеку снимать ее ягодицу. Я не могу это разрешить.

– Она уже пришла в себя?

– Конечно. Сознание вернулось к ней три дня тому назад. Сейчас она изрядно нервничает.

– Мне необходимы эти фотографии, – с металлом в голосе произнес Дори. – Возможно, они будут отосланы самому президенту. Введите ей пентатол. Тогда она не узнает, что ее сфотографировали. Это займет несколько минут. Я также хочу, чтобы татуировку увидел мой эксперт-китаист. Давайте сделаем это немедленно.

Поколебавшись, Форрестер пожал плечами.

– Ну если это так важно... – сказал он. Сняв телефонную трубку, Форрестер тихим голосом отдал распоряжения. – Ваши люди смогут зайти в палату через десять минут.

– Чудесно.

Дори вышел в коридор, поговорил с Доджем, затем вернулся в кабинет и снова сел напротив врача:

– Расскажите мне об этой женщине.

– Ее привезли к нам в состоянии...

– Я все это знаю. Читал вашу справку, – нетерпеливо сказал Дори. – Меня вот что интересует... не симулирует ли она потерю памяти? Она действительно страдает амнезией?

– По-моему, да. Она не поддается гипнозу. Ее нашли с небольшой раной на затылке. Рана могла возникнуть при падении, вызванном комой; травма, по-видимому, привела к потере памяти. Такое изредка случается. Да, думаю, она не симулирует.

– Есть предположения, как долго продлится это состояние?

– Точно сказать не могу. Месяц... неделю... полагаю, не дольше месяца. – Форрестер улыбнулся. – Мы рассматривали возможность применения скополамина, оно сопряжено с риском. Если она симулирует, средство сработает, но в противном случае ее амнезия может усугубиться. Если вы хотите воспользоваться этим препаратом, я не стану возражать, но он может отодвинуть момент возвращения памяти на месяцы.

Дори задумался. Наконец он встал с кресла:

– Я проконсультируюсь с моим китаистом, а потом снова навещу вас. Спасибо, доктор, за содействие. Я найду для нее место и сразу же заберу отсюда.

Спустя тридцать минут Волферт, приземистый лысеющий сорокашестилетний человек с бело-розовым лицом, вошел в тесную комнату, которую Форрестер предоставил Дори, прибывшему в сопровождении О'Халлорена.

– Ну что? – спросил Дори, поднимаясь.

– Это Эрика Ольсен, любовница Кунга, – заявил Волферт. – Я видел его инициалы на различных предметах, принадлежащих ему. Ошибка исключается. Это весьма специфическая по цвету татуировка... ее почти невозможно подделать.

Дори пристально посмотрел на человека, считавшегося одним из лучших знатоков китайских обычаев.

– Почти?

– Допустим, искуснейший татуировщик сумел бы ее подделать, но это маловероятно. Я просто подстраховываюсь. – На лице Волферта появилась снисходительная улыбка. – Никто не даст вам стопроцентной гарантии, но я готов держать пари на мою пенсию, что она любовница Кунга.

Дори посмотрел на О'Халлорена:

– Следи за ней, Тим. Я поставлю в известность Вашингтон. Я не могу что-либо предпринимать без одобрения руководства. – Он в задумчивости потер лоб. – Придется еще подождать, но это дело может оказаться исключительно важным. Я вернусь в посольство.

– Не беспокойтесь о ней, – сказал О'Халлорен. – Здесь она под надежной охраной.

Но он не знал, что через несколько часов в Париж прилетит Маликов. А когда русский появился в Париже, шеф местного отделения МИ-6 пришел в ярость оттого, что его сотрудник получил в Ле-Бурже удар резиновой дубинкой по голове и упустил Маликова; О'Халлорена просто забыли уведомить о прибытии в Париж самого опасного из советских агентов. Если бы О'Халлорен знал об этом, он стерег бы Эрику Ольсен еще тщательнее. Но он оставался в неведении относительно передвижений Маликова. О'Халлорен считал, что охранник, вооруженный самозарядной винтовкой, – достаточная мера предосторожности.

Когда в игру вступал Маликов, все меры предосторожности могли оказаться тщетными.

Вечером, в начале седьмого, стройный юноша вошел в лавку Саду Митчела. В руке он держал маленький потрепанный чемоданчик с металлическими углами.

У парня был болезненный цвет лица, его маленькие черные глазки недоверчиво, настоженно бегали. Выглядел он лет на двадцать пять – тридцать, но на самом деле ему только исполнилось восемнадцать. Его иссиня-черные волосы были коротко пострижены. Пластикой своих движений он напоминал змею.

Джоджо Ченди родился в Марселе. Его отец был сутенером, свою мать Джоджо не знал. Когда Ченди пошел одиннадцатый год, его отец погиб в драке. Это событие не огорчило подростка. Он обрадовался свободе, а вскоре уже прилично зарабатывал на жизнь, став зазывалой темнокожей проститутки, профессиональные умения которой приводили в восхищение Джоджо и многочисленных клиентов. Подкопив денег, он решил, что в Париже сумеет найти лучшее применение своим способностям. Оказавшись в столице, Джоджо сначала решил, что зря сюда приехал. Парижская полиция сурово обходилась с сутенерами. После нескольких арестов, сопровождавшихся избиениями, Джоджо оставил это занятие и устроился мойщиком посуды в китайский ресторан. Там он познакомился с молодой китайкой – агентом Етсена. Она быстро разглядела в худом, озлобленном пареньке опасное и полезное орудие. Етсен взял его под свою опеку. Джоджо получил первые навыки и деньги. Спустя год он стал одним из самых надежных головорезов Етсена.

Для совершенно аморального, не ведающего грани между добром и злом Джоджо деньги были единственным смыслом существования. Он брался за любое, сколь угодно опасное и грязное задание, если оно сулило большой куш. Жизнь в его представлении была вращающимся колесом рулетки. Ради больших денег можно пойти на все и плевать на риск – таково было его кредо.

Пирл Куо, продававшая нефрит толстой американке в нелепой шляпе с цветами и столь же безвкусных очках со стразами, бросила беглый взгляд на вошедшего в лавку Джоджо. Его

появление обрадовало Пирл. Наконец-то, подумала она, Саду станет активным членом китайского движения; она давно ждала этого момента.

Когда американка покинула лавку, Пирл улыбнулась Джоджо. Ее миндалевидные глаза заблестели; горячая волна вожделения прокатилась по телу парня.

– Он тебя ждет, – сказала она. – Сюда, пожалуйста.

Пирл открыла дверь за стеклянным прилавком.

Джоджо посмотрел на девушку; его взгляд скользнул по пестрому платью-чеонгсаму, которое подчеркивало совершенство ее фигуры. Затем он прошел в гостиную Саду.

В ожидании Джоджо Саду поделился с Пирл содержанием своей беседы с Етсеном.

– Он хочет, чтобы я ликвидировал эту женщину, – сказал Саду; выступившие капельки пота поблескивали на его лице. – То есть совершил убийство. Что мне делать?

– Твоя задача – лишь все подготовить. Тебе не придется самому убивать ее, – попыталась успокоить его Пирл. Ее тонкие пальцы коснулись лица Саду. – Это нужно Китаю, Саду, к тому же отступать уже поздно. Ты должен подчиниться. Иначе мы расстанемся, и они убьют тебя. Я это знаю. Если мне велят сделать это, я выполню приказ. Ты должен гордиться оказанным доверием.

Осознав наконец, в какое положение попал, Саду решил гордиться своим участием в деле. Он ненавидел американцев. Они оскорбили его. Это будет не убийство, а акт мести.

Он избрал для общения с Джоджо надменный командирский тон.

– Садись. Мне сказали, что ты должен убить женщину, а я – проследить за твоей работой.

Джоджо сел. Он положил маленький чемоданчик себе на колени. Слабый, но явственный неприятный запах, исходивший от парня, заставил Саду поморщиться.

Саду самоуверенно продолжил:

– Прежде всего нам следует выяснить, в какой больнице находится женщина... на каком этаже... в какой палате. Дальше – дело техники. Тебе придется проникнуть в ее палату. – Гордый своим планом, он снисходительно улыбнулся Джоджо. – Надеюсь, ты умеешь лазать по стенам?

Сжимая в руках чемоданчик, Джоджо спросил:

– Это твоя первая акция? – Его узкие губы скривились в презрительной улыбке. – Не переусердствуй. Будешь крутить баранку... о деталях позабочусь я. Тебе достанутся почести, мне – деньги. Все будут счастливы.

Саду замер. Его лицо пылало от гнева. Он приблизился к Джоджо, посмотрел на парня сверху вниз.

– Не смей так разговаривать со мной! Командую я! – взорвался он; его душила ярость. – Ты будешь исполнять мои указания...

– Саду... пожалуйста... – Нежный голос Пирл заставил Саду обернуться. – Я думаю, он справится сам. У него есть опыт. Пожалуйста...

Джоджо посмотрел на нее, затем открыл чемодан. Извлек из него револьвер 25-го калибра и глушитель. Приладив глушитель к дулу, засунул оружие за пояс брюк.

Когда Саду увидел оружие и отточенные, профессиональные движения Джоджо, его ярость сменилась растерянностью.

– Сейчас мы отправимся в больницу, – заявил Джоджо. Он снова окинул взглядом Пирл, затем в упор посмотрел на Саду. – Прежде всего, как ты и сказал, следует выяснить, где находится женщина. У нас хватает времени – до темноты еще часа три.

Он поставил чемодан в угол комнаты и покинул гостиную.

Пирл коснулась плеча Саду:

– Делай, что он скажет. Он профессионал. Ты многому научишься у него.

Саду заколебался, потом, одолев страх и осознав свою полную некомпетентность, вслед за Джоджо вышел на оживленную улицу Риволи.

Пирл проводила взглядом мужчин, отъехавших от магазина в спортивном автомобиле Саду. Закрывать бутик было еще рано. Она зажгла свечку перед китайским идолом и опустилась на колени, чтобы помолиться. Воздух наполнился ароматным дымом.

В то время, когда Смирнов встречал Маликова в Ле-Бурже, Дори получил из Вашингтона добро на реализацию своего плана.

Его предложение было рассмотрено руководителями ЦРУ и ФБР. Они проявили осторожность. Пока что, по их мнению, дело недотягивало до президентского уровня. Оно могло оказаться липой. Но они сознавали его потенциальную важность. Дори получил их Вашингтона по телефону спутниковой связи следующие указания:

– Вам предоставляется свобода действий, Джон. Во всяком случае, для осуществления первых шагов. Ваши расходы не ограничиваются... мы найдем средства, лишь бы был результат. Не нужно докладывать о каждом шаге. Действуйте, но не официальным путем. Если из яйца вылупится цыпленок, дайте знать.

Дори радостно улыбнулся.

– Положитесь на меня, сэр, – сказал он.

Дори любил подобные операции. Ему предоставили свободу действий, деньги и право самому отвечать за успех или неудачу. Он все обдумал в течение часа и был готов к осуществлению плана. Часы показывали восемь вечера. Маликов в это время летел из Лондона в Париж. Саду и Джоджо сидели в автомобиле возле американской больницы. Женщина, которую считали Эрикой Ольсен, любовницей китайского ученого, ведущего специалиста в области ракетостроения и атомного оружия, еще спала после инъекции пентатола. Охранник, рядовой первого класса Вилли Джексон, бдительный, дисциплинированный, но глуповатый солдат и отменный стрелок, шагал туда-сюда по больничному коридору, время от времени поглядывая на закрытую дверь палаты, где лежала Эрика Ольсен.

Дори поднял трубку телефона и позвонил О'Халлорену:

– Тим... помнишь Марка Гирланда?

– Гирланда? Ну конечно, он ведь работал на Россланда, верно?

– Он самый. Гирланд сейчас в Париже, он мне нужен. Он живет на улице Сюис. Доставь его сюда любыми средствами. Не позднее чем через час.

– Постойте, сэр, если я не ошибаюсь, этот Гирланд – ужасный упрямец. Что, если он не захочет приехать?

– Гирланд? Упрямец? Сейчас он не работает на меня. Я слышал, он стал уличным фотографом. Доставь его сюда, Тим. Пошли за ним пару дюжих парней. Он должен быть у меня не позже чем через час.

Дори положил трубку и откинулся на спинку кресла. Он был доволен собой. Он чувствовал, что действует очень неплохо.

Марк Гирланд!

Кому еще пришло бы в голову привлечь к операции Марка Гирланда?

Гирланд – тот, кто способен справиться с задачей, стоявшей перед Дори. Гирланд создан для подобной работы.

Дори нахмурился. Создан для подобной работы... но удастся ли уговорить Гирланда взяться за это дело?

Марша Дэвис перед уходом с работы принесла шефу тарелку с бутербродами и стакан молока. Дори, напряженно искавший правильный подход к Гирланду, в задумчивости протянул руку к бутерброду и откусил от него.

Глава вторая

Марк Гирланд пребывал в депрессии. Меньше всего на свете он любил проводить вечер в одиночестве в скромной однокомнатной квартире, расположенной на седьмом этаже старого невзрачного дома на улице Сюис.

На улице шел дождь, туфли Марка промокали: у Гирланда не было денег на новые. Вся его наличность составляла восемь франков и семьдесят два сантима. «Неужели, – горестно подумал он, – всего каких-то три месяца назад на моем банковском счете лежали пять тысяч долларов? Моя беда заключается в том, – сказал себе Гирланд, пытаюсь устроиться поудобнее в разваливающемся холщовом шезлонге, – что я лентяй и мот».

У него была масса идей насчет того, как он истратит эти деньги. Кто мог предвидеть, что три жалкие клячи проявят такую прыть? Он вспомнил день, когда все его денежки исчезли в бумажнике улыбающегося букмекера на ипподроме Лоншан.

Потеряв то, что должно было послужить фундаментом для новой карьеры, Гирланд, однако, после дела Роберта Генри Кэри не собирался возвращаться к ремеслу тайного агента. Это занятие для идиотов, решил он. Гирланд с удовольствием послал к черту старого козла Джона Дори.

Уставившись на Гирланда поверх своих очков, Дори заявил тогда:

– Похоже, ты не тот человек, чьими услугами я могу пользоваться. Тебе нельзя доверять. Личные интересы для тебя важнее интересов дела. Я не собираюсь работать с человеком, который думает прежде всего о своей выгоде. Ты больше не работаешь у меня.

Гирланд радостно усмехнулся:

– Какой человек в здравом уме согласится пахать на тебя? Когда я вспоминаю грязную работу, которую выполнял для Россланда – да будет земля ему пухом, – и те жалкие гроши, которые я получал за нее, мне начинает казаться, что я должен сходить к психиатру. Это я на тебя больше не работаю. Прощай. Забудь обо мне.

Этот монолог произнес человек, имевший пять тысяч долларов, пусть и не совсем честно нажитых. Однако и теперь, постоянно испытывая нехватку денег, Гирланд не сожалел о разрыве с ЦРУ.

Последние два месяца он работал уличным фотографом. Вооруженный «поляроидом», он бродил среди достопримечательностей города в поисках хорошеньких юных американок, впервые прибывших в Париж. Таких туристок было предостаточно. Щелкнув камерой, вытащив готовый снимок, он тратил несколько минут на то, чтобы уговорить девушку отдать ему десять франков. Гирланд мог уговорить птичку, сидящую на ветке, опуститься ему на руку, а с женщинами он и вовсе творил чудеса. Часто после успешной сделки порозовевшая, оживленная девушка отправлялась к нему в квартиру.

Существуют и худшие способы зарабатывать на жизнь, подумал он, бросив взгляд на «поляроид», лежавший на ошарпанном обеденном столе, однако их не так много.

День был абсолютно пропащий. С утра моросил дождь, и Гирланд, блуждая по улицам, не встретил ни одного подходящего клиента. Две толстухи, которых он фотографировал с отчаяния, пригрозили вызвать полицейского, когда он невозмутимо запросил двадцать франков.

Гирланд посмотрел на большую комнату с двумя окнами без штор, оттуда виднелись парижские крыши, печные трубы и телевизионные антенны. В дальнем углу комнаты стояли кухонная раковина и допотопная газовая плита. У противоположной стены находились громоздкий радиоприемник, проигрыватель, гардероб, а также книжный шкаф с американскими и французскими книгами в бумажных обложках.

Подтянутый, стройный Гирланд сморщил нос. Ну и дыра! Сюда бы другую обстановку, вазу с розами на длинных стеблях и страстную блондинку с телом Брижит Бардо, но прямо сейчас достаточно было бы и блондинки, подумал он.

Он встал, подошел к раскрытому окну, уставился на блестящие черные крыши. Дождь не прекращался. Вдали сверкнула молния. Поежившись, Гирланд шагнул к радиоприемнику в надежде отыскать приличную музыку, но тут в дверь позвонили.

Он с удивлением посмотрел на дверь. Подойдя к ней, увидел сквозь глазок двух стоявших в коридоре мужчин. Он узнал армейские плащи и шляпы с загнутыми полями. Гирланд насторожился. Затем, успокоившись, усмехнулся. Возможно, проверка документов. Этим парням нечем себя занять. Сотрудники ЦРУ давно не приходили к нему. Кто знает? Дори мог умереть от сердечного приступа. И даже оставить ему кое-что в наследство. Гирланд открыл дверь.

Два крепыша с непроницаемыми суровыми рожами ввалились в квартиру, втолкнув Гирланда в комнату. Он узнал одного из них, старшего по возрасту. Пятидесятилетний Оскар Брукман был одним из боевиков О'Халлорена; он славился своей жестокостью, отвагой и меткостью. Его более молодой напарник, самоуверенный, светловолосый, веснушчатый ирландец с глазами-льдинками, казалось, был готов в любой момент нанести сокрушающий удар.

– Надевай пальто, – рявкнул Брукман. – Ты нужен.

Гирланд отступил назад, расслабился; взглядом он ловил каждое движение незваных гостей.

– Приятная новость. Кому это я понадобился? – спросил он.

Тот, кто был помоложе – его звали О'Брайен, – сказал:

– Идем! Живо! Какая разница, кому ты нужен?

Гирланд посмотрел сначала на него, потом на Брукмана. Пожав плечами, Марк дружелюбно произнес:

– Не стоит кипятиться. Я иду.

Он прошел к гардеробу, снял с вешалки свой белый дождевик, запустил прикрытую корпусом руку в карман плаща. Уронив плащ, он резко повернулся, держа в руке тупорылый аммиачный пистолет:

– Не двигаться!

Мужчины замерли, уставясь на пистолет. Они знали, что это за штука.

– Ладно-ладно, Гирланд, успокойся, – сказал Брукман, сдерживая гнев. – Мы, наверное, погорячились. Ты нужен Дори. Пойдем с нами! Хватит валять дурака. Дело срочное.

Гирланд улыбнулся:

– Знаешь что? Я таких, как ты, на дух не переносу. Ненавижу типов, которым доставляет удовольствие хамить. Убирайтесь! Через десять секунд я стреляю. Спуститесь на первый этаж, обождите десять минут, потом поднимайтесь снова, но чтобы все было вежливо и культурно... тогда я вас, возможно, выслушаю. А теперь вон отсюда!

– Я из тебя кишки выпущу! – рассвирепел О'Брайен.

Брукман влепил оплеуху своему коллеге, и О'Брайен отлетел назад.

– Заткнись! – рявкнул Брукман; он знал, что Гирланд не шутил.

– Ты поторопился, Оскар, – сказал Гирланд. – Я как раз собрался разрядить мою прискалку в этого ублюдка.

– Ладно... ладно, – усмехнувшись, сказал Брукман. – А еще говорят, что ты потерял форму. Все такой же забияка, да? Хорошо, мы начнем все сначала и на этот раз будем вежливы.

Он вытолкнул О'Брайена из комнаты и захлопнул дверь.

Постояв несколько мгновений в нерешительности, Гирланд подошел к телефону и набрал номер Дори.

Ему не сразу удалось связаться с ним. Услышав голос американца, Марк произнес:

– Это Гирланд. С чего это тебе пришло в голову послать за мной двух жлобов? Я же велел забыть обо мне.

– У меня есть для тебя работа, – елейным тоном заявил Дори. – Речь идет о большой сумме. Получить ее будет весьма несложно. К тому же тут замешана женщина.

Гирланд вспомнил о своих восьми франках и семидесяти двух сантимах:

– Назови сумму.

Дори знал, что сейчас лучше не скупиться.

– Десять тысяч франков, – без задержки произнес он.

Гирланд едва не свистнул:

– Старина Дори, ты, часом, не пьян?

– Не груби и приезжай сюда, – выпалил Дори.

– А что за женщина?

– Молодая, красивая, белокурая шведка, – ответил Дори.

– Отлично! – Гирланд засмеялся. – В моем вкусе. Считаю, я подписался.

Он опустил трубку, надел плащ, погасил свет и помчался вниз, перепрыгивая через три ступеньки. На полпути он столкнулся с Брукманом и О'Брайеном, устало поднимавшимися по лестнице. Он остановился.

– Я только что потолковал с вашим безмозглым боссом, – заявил Гирланд мужчинам, которые смотрели на него испепеляющими взглядами. – Похоже, я стал важной персоной.

Маленькие глаза О'Брайена заблестели.

– Я слышал о тебе, Гирланд, – сказал он. – Я тоже терпеть не могу таких типов, как ты. Надеюсь, мы с тобой еще встретимся как-нибудь поздним вечером.

Гирланд посмотрел на Брукмана:

– Твой приятель, Оскар, похоже, смельчак. Следи за ним. Он может попасть в беду.

– О господи! – застонал Брукман. – Поехали. Мы теряем время.

Гирланд вынул из кармана носовой платок, высморкался, уронил платок и нагнулся, чтобы поднять его. Движения Марка были настолько естественными, что Брукман и О'Брайен смотрели на него лишь с нетерпением. И тут Гирланд вцепился руками в отвороты брюк О'Брайена и дернул их на себя.

С глухим воплем О'Брайен кубарем полетел по лестнице. Ударившись спиной об ограждение, он свернул его и грохнулся на нижний этаж. Сверху на бедолагу посыпались обломки и пыль. Он повернулся на бок и застыл без движения.

Вытащив глаза, Брукман посмотрел вниз. Затем уставился на Гирланда, который тем временем прятал носовой платок в карман; худое смуглое лицо Марка оставалось бесстрастным.

– Сумасшедший! – выдохнул Брукман. – Ты, вероятно, убил его!

– Как бы не так... он живучий, – мягко проговорил Гирланд.

Молниеносным движением Марк натянул Брукману шляпу на глаза. Здоровяк, ругаясь, отступил назад. Гирланд ударил Брукмана кулаком в живот. Брукман, хватая ртом воздух, опустился на колени. Радостно замурлыкав себе под нос, Гирланд зашагал вниз по ступеням, перепрыгнул через распростертое тело О'Брайена и вышел на улицу. Нырнув в дождь, он подбежал к старенькому «Фиату-600».

«Жизнь все же неплохая штука», – подумал Гирланд.

Впервые за последние месяцы он испытал удовольствие.

Несколько медсестер покинули американскую больницу через служебный выход и зашагали по широкому бульвару Виктора Гюго. Одни шли под зонтами, других защищали от дождя только плащи.

Джоджо, сидевший в спортивном автомобиле Саду, ткнул грязным пальцем в сторону прошедшей неподалеку стайки девушек.

– Кто-нибудь из них знает, в какой палате она лежит, – сказал парень. – Время идет. Спроси их.

– Глупец! – выпалил Саду. – Так они мне и скажут. Мы только привлечем к себе внимание.

– Глянь-ка... эта идет одна. Скажи ей, что ты газетчик. Мы должны установить, где эта сучка.

Саду заколебался.

Группа медсестер исчезла во мраке. Он увидел одинокую девушку в плаще, вышедшую на внезапно обезлюдивший бульвар. Он понимал, что в словах Джоджо есть здравый смысл. Нельзя же до бесконечности сидеть тут. Как-то надо выяснить, где находится женщина.

Он вылез из машины, припаркованной возле недостроенного жилого дома. Незастекленные окна чернели на фоне белой стены, уходившей вверх. Сваленные стройматериалы, большая бетономешалка, штабеля досок и мотки проволоки преграждали путь ко входу в будущее жилище парижских богачей.

Медсестра поравнялась с Саду. В полутьме он разглядел, что она молодая и темноволосая.

– Извините меня, мадемуазель, – произнес он, отвесив глубокий поклон. – Я из «Пари матч». Вы не могли бы сказать мне, на каком этаже и в какой палате находится женщина, потерявшая память?

Медсестра с удивлением посмотрела на Саду:

– Пардон, месье?

– Это представляет интерес для моей газеты, – пояснил Саду, с трудом скрывая свое волнение. – Мы хотим знать, на каком этаже и в какой палате лежит эта женщина... ну, с татуировкой на теле.

Девушка отступила на шаг.

– Я не могу вам это сказать. Спросите в справочном бюро, – произнесла она. – Там вам это сообщат, если сочтут нужным.

Краем глаза Саду заметил, что Джоджо выбрался из машины; парень двигался стремительно и беззвучно, как змея, атакующая свою жертву. Он появился за спиной медсестры в тот момент, когда она собралась уходить. Правая рука Джоджо мелькнула в воздухе. Вскрикнув, девушка упала вперед. Саду инстинктивно подхватил ее, прижал к себе. Испуганно оглядел длинный темный бульвар. Вдали он увидел двух приближающихся к ним мужчин.

– Тащи ее в здание! – выпалил Джоджо. – Быстро!

Саду сообразил, что это единственный выход. Он поднял потерявшую сознание девушку на руки и побежал с ней к дому. Едва не растянулся в холле подъезда, споткнувшись о строительный хлам. Джоджо держался рядом.

– Опusti ее.

Саду положил девушку на мешки с цементом.

– Ты рехнулся! – выпалил он, переводя дыхание. – Она узнает меня! Что ты натворил?

Джоджо опустился на колени перед девушкой. Он сорвал с нее белую шапочку, схватил за волосы и принялся трясти ее голову.

Девушка тихонько застонала, затем открыла глаза. Грязная рука Джоджо зажала ей рот, пальцы вонзились в щеки.

– Один звук, и я прикончу тебя, – злобно прошипел он. – Слушай меня. Ты меня слышишь?

Глазами, округлившимися от страха, она посмотрела на него, попыталась отодвинуться от источника мерзкого запаха.

Он разжал пальцы, сжимавшие ее рот.

– Где эта женщина? Говори быстро! Где она?

Девушка перевела дыхание, снова попробовала отстраниться от Джоджо; парень, выругавшись, дал ей пощечину.

– Где она?

– Не трогай меня! Она... она на пятом этаже, в 112-й палате, – дрожащим от страха голосом выговорила медсестра.

– Палата 112-я. Пятый этаж. Верно?

– Да.

– Почему ты не сказала это сразу, дура? – спросил Джоджо.

Он резко взмахнул рукой, блеснула сталь. Девушка приподнялась и тут же откинулась назад с долгим, свистящим вздохом.

Джоджо встал.

Саду заметил движение его руки и услышал, как вздохнула девушка. У него по спине поползли мурашки. В темноте он не мог разобрать, что именно там произошло. Саду смертельно испугался.

– Что ты сделал? – Он вцепился в Джоджо. – Боже, что ты сделал?

Джоджо вырвался из его рук. Он вытер лезвие выкидного ножа о плащ девушки.

– Идем! – раздраженно бросил он. – Теперь мы знаем, где она. Идем! Мы теряем время!

Дрожащей рукой Саду вытащил зажигалку; вспыхнул огонек, осветивший мертвое лицо девушки. Оно появилось из темноты лишь на короткий миг: Джоджо тотчас задул пламя.

– Идем, – рявкнул Джоджо. – До завтра ее не найдут.

– Ты убил ее! – выдохнул Саду.

– А что мне оставалось делать? Она опознала бы тебя, и мы погорели бы. Идем... мы теряем время!

Он осторожно вышел из здания и направился в больницу.

– Заходи, Гирланд, – сказал Дори, когда Марк появился на пороге его кабинета. – Как поживаешь?

Гирланд вошел в просторную комнату и закрыл за собой дверь. Усмехнувшись, он сказал:

– А тебе-то что? Да, видно, плохо дело, если понадобился я. – Он плюхнулся в одно из кресел. – Значит, все-таки удостоился позолоченной таблички? Вашингтон, видно, совсем оскудел талантами.

– Ты несносный грубиян, – с улыбкой произнес Дори, – но обладающий определенными способностями. За них я готов заплатить. – Откинувшись на спинку кресла, он изучающе поглядел на собеседника. – Я слежу за твоей карьерой, если это можно так назвать. Последнее время тебе не везет, верно? Уличный фотограф – это почти дно общества, правда?

Гирланд взял сигарету из серебряной папиросницы, стоящей на столе Дори:

– Не знаю. Это как посмотреть. Люди твоего склада рвутся к деньгам, власти и язве желудка. Я же ни к чему не стремлюсь. По-моему, лучше фотографировать хорошеньких женщин, чем наживать рак желудка.

Дори пожал плечами:

– Это твое дело. Давай прежде всего выясним, хочешь ли ты снова работать у меня.

– Работать у тебя? – Гирланд засмеялся. – Нет, не хочу, но я слышал что-то насчет десяти тысяч франков. За такие деньги я готов работать на кого угодно.

– Тебя интересуют только женщины и деньги, – заметил Дори. – Наверно, так уж ты устроен, но...

– Я живу так, как мне нравится, и это никого не касается. Что за работа?

Мужчины посмотрели друг на друга. Дори испытал удовлетворение, заглянув в серьезные глаза Гирланда. Этот человек неоднократно проявлял исключительную находчивость, подумал Дори, он весьма силен.

Дори был уверен в правильности своего выбора. Он вкратце рассказал об Эрике Ольсен.

– Эта женщина способна поведать нам многое о Кунге, – заключил он, – а мы хотим узнать о нем как можно больше. Из Китая поступают сведения, что он разработал новое оружие. Эта информация требует проверки. Мы также хотим узнать, что движет Кунгом. Никто не сможет ответить на этот вопрос лучше любовницы Кунга.

Гирланд устроился в кресле поудобнее:

– Откуда такая уверенность, что она заговорит?

– Это будет зависеть от тебя. По моим сведениям, ты умеешь найти подход к любой женщине. Иначе почему бы я поручил тебе это дело?

Гирланд посмотрел на свою тлеющую сигарету и усмехнулся:

– Видно, оно не по зубам вашим гориллам. Знаешь, Дори, а ты умнее, чем мне казалось.

– Поменьше высокомерия, – выпалил Дори. – Значит, согласен?

– Этого я не говорил. Не надо спешить. Что именно я должен сделать?

– Похоже, она действительно страдает амнезией. Доктор полагает, что память будет восстанавливаться медленно и постепенно. Ты должен будешь жить с этой женщиной и сообщать мне все, что она расскажет о Кунге.

Гирланд приподнялся в кресле:

– Жить с ней? Что ты имеешь в виду?

– Тебе придется сыграть роль ее мужа, – сказал Дори, положив локти на стол. – Сейчас Эрика Ольсен понятия не имеет, кто она такая, каково ее прошлое... ей ничего не известно. И вот появляешься ты – ее муж. Ей придется принять тебя в этом качестве. На тот случай, если понадобится подтверждение, у тебя будут необходимые доказательства. Я подготовлю ваше свидетельство о браке и паспорт на имя Эрики Гирланд. Ты – богатый бизнесмен, отдыхающий на юге Франции. Эта женщина... твоя жена... исчезла, когда ты был занят делами в Париже. Ты разыскал ее в американской больнице и везешь обратно на вашу виллу в Эз. Там ты помогаешь ей восстановить память. Рано или поздно она выдаст нужную мне информацию, за которую я плачу.

Гирланд подался вперед и недоверчиво покачал головой.

– Вот это идея! – с искренним восхищением произнес он. – Но давай ее обсудим. Что, если память вернется к ней мгновенно и полностью? Я попаду в дурацкое положение, верно?

– Это маловероятно, но ты получаешь деньги и за то, что рискуешь оказаться в дурацком положении, – невозмутимо парировал Дори.

Гирланд засмеялся:

– Что это за вилла в Эзе?

– Она принадлежит мне, – не без самодовольства пояснил Дори. – Она уединенная, комфортабельная и безопасная. Мои люди будут обслуживать вас обоих.

– Отлично! – Вид у Гирланда был удивленный. – Теперь мне стало понятно, ради чего ты рискуешь нажить язву. Неплохо о себе позаботился, да?

Дори пожал плечами:

– Так ты согласен?

– Не торопись. Если верить Россланду, ты еще никого не благодетельствовал просто так. Вдруг эта шведка толстая и страшная? Даже за десять тысяч франков я не соглашусь стать мужем некрасивой женщины.

– Теряем время, Гирланд, – сказал Дори, вытаскивая из ящика стола глянцевою фотографию. – Вот часть ее тела с татуировкой. Можешь убедиться в том, что она, во всяком случае, не толстуха.

Гирланд уставился на фотографию. В его глазах вспыхнул интерес. Он негромко присвистнул:

– Бюст у нее такой же замечательный, как зад?

Дори протянул ему американский паспорт:

– В жизни она гораздо лучше, чем можно судить по снимку, но и он дает некоторое представление о ее красоте.

Гирланд изучил фотографию на поддельном паспорте и откинулся на спинку кресла.

– Считай, мы договорились. Когда я приступаю к работе?

– Немедленно. Я приготовил для тебя автомобиль. Ты поедешь в больницу, посадишь женщину в машину и отправишься в Эз. Рано утром будешь на вилле. Чем скорее вы покинете Париж, тем лучше. Ты отвечаешь за операцию. Постарайся не совершить ошибку.

– Какой автомобиль ты мне даешь? – спросил Гирланд.

– «Мерседес-202». Он внизу, в гараже. Грэфтон познакомит тебя со спецоборудованием. – Дори придвинул бумажный пакет к Гирланду. – Здесь все необходимые бумаги, в том числе свидетельство о браке.

– Я уже чувствую себя женатым человеком.

– История просочилась на страницы «Франс матэн». Будь бдителен... думаю, теперь китайцы и русские проявят интерес к женщине. Я не зря советую быть начеку.

– Мне следовало догадаться, что тут есть подводные камни. – Гирланд встал. – Ты что-то говорил о деньгах?

Дори бросил на стол пачку стофранковых купюр:

– Здесь две тысячи. Остальное получишь в обмен на информацию.

Гирланд сунул деньги в задний карман брюк:

– Не подкинешь на расходы? Мне придется обновить гардероб. Я же должен сыграть роль преуспевающего бизнесмена. Мне потребуется минимум...

– Больше ты ничего не получишь, – отрезал Дори. – Диалло, мой слуга, приобретет для тебя все необходимое. Я позвонил в банк, ему выдадут деньги с моего счета. Тебя к моим деньгам не подпустят, Гирланд. Понял?

– Какое трогательное доверие! – насмешливо заметил Гирланд.

Дори пропустил его реплику мимо ушей. Он выдвинул ящик стола и извлек оттуда маленькую пластмассовую коробочку:

– Эта штучка может пригодиться. – Он придвинул коробочку к Гирланду. – Это радиопилюля размером с виноградную косточку. Пусть женщина проглотит ее. Если ты, не дай бог, упустишь Эрику Ольсен, с помощью радиопилюли мы отыщем ее снова.

– Чудесно. – Гирланд взял коробочку со стола и открыл ее. Посмотрел на крохотную черную пилюлю. – Как она работает?

– Тепло человеческого тела активирует полупроводниковую термобатарейку. Сигналы этого передатчика можно ловить с помощью специального приемника в радиусе до ста километров. Пилюля работает в течение сорока восьми часов.

Гирланд спрятал пилюлю под ноготь большого пальца и сказал:

– Значит, ждешь неприятностей?

– Я всегда жду неприятностей. Если удастся их избежать, я испытываю удивление. Лучше перестраховаться, чем проявить беспечность. Ты будешь не один, Гирланд. Мои люди будут следовать за тобой. Твоя забота – доставить ее в Эз. Не рискуй. На вилле вы будете в безопасности.

– Похоже, за эти деньги мне придется попотеть, – с иронией в голосе произнес Гирланд. – О'кей, я отчаливаю. Приехав в Эз, сразу позвоню.

Покинув кабинет, он направился к лифту. Энтузиазм, с которым он шел сюда, немного поубавился.

Рядовой первого класса Вилли Джексон переложил автоматическую винтовку из одной руки в другую, чтобы поглядеть на часы. Они показывали десять минут одиннадцатого. Джексон подавил зевок. Его сменят лишь через два часа. И все же ему еще повезло: приятнее все-таки нести службу в больничном коридоре, чем на улице под дождем возле штаб-квартиры НАТО. Значительно приятнее, решил он, когда появившаяся в коридоре медсестра приветливо улыбнулась Вилли и зашагала дальше, покачивая бедрами и поправляя прическу привычным жестом женщины, которая знает, что на нее смотрят.

Рядовой Вилли Джексон был дисциплинированным и честолюбивым солдатом. Как известно, каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл, – эта крылатая фраза имела к Джексону прямое отношение. Он считал Эйзенхауэра, Брэдли и Паттона самыми выдающимися личностями в истории человечества. Лет через двадцать он тоже станет генералом. Он верил в себя: Джексон был одним из лучших стрелков, чемпионом батальона по боксу в полутяжелом весе и лучшим питчером бейсбольной команды НАТО. Джексон обладал многими достоинствами, делавшими его превосходным солдатом... но его надеждам не суждено было осуществиться.

Пока он с удовольствием размышлял о том, чем они с медсестрой могли бы заняться в свободное время, двери лифта раскрылись и в коридоре появился человек в форме полковника американской армии.

Чины имели большое значение для Вилли Джексона. Любой капитан внушал ему почтение, в присутствии майора Джексона бросало в жар, приближение полковника превращало его в немного идиота.

Больше всего на свете Джексон мечтал получить звание полковника до тридцати лет. Увидев атлетически сложенного человека в безукоризненной форме с тремя нашивками, он почувствовал, что у него пересохло во рту, и тотчас взял на караул, грохнув прикладом о пол.

Смирнов, еще не успевший привыкнуть к новой форме, протянул руку к револьверу, который висел у него на поясе, и посмотрел на Джексона. Он уже знал кое-что о солдате. Смирнов надеялся, что Джексон не доставит ему хлопот.

– Что вы здесь делаете, рядовой? – рявкнул он, остановившись перед Джексонном.

– Стою на посту, сэр, – ответил Джексон; на его веснушчатом лице выступили капельки пота.

Впервые за всю службу Джексона старший офицер обратился к нему.

– В какой палате находится генерал Уэйнрайт?

– В 147-й, сэр.

– Вы охраняете генерала Уэйнрайта?

– Нет, сэр. Женщину из 140-й палаты.

– А, эту... – Смирнов немного успокоился. Он не думал, что все окажется так просто. – Я читал о ней. Вольно, рядовой.

Джексон расслабился. Взгляд его наивных голубых глаз наткнулся на темные глазбусинки Смирнова. Джексон тут же отвел взгляд.

«Вот это человек! – подумал Джексон. – Образец для подражания! Надо научиться так смотреть на людей».

– Вы видели эту женщину? – спросил Смирнов, засунув большие пальцы в карманы брюк.

– Нет, сэр.

– Говорят, у нее на ягодице вытатуированы три китайских иероглифа. Это правда?

– Не знаю, сэр.

– Как здоровье генерала?

– Не знаю, сэр.

– Рядовой первого класса, вы счастливый человек. – Смирнов начал получать удовольствие от беседы. – Вам и дела нет до всех этих чертовых генералов. В какой палате, вы сказали, лежит старый хрен?

Джексона передернуло. Он преклонялся перед генералом Уэйнрайтом. Тон Смирнова шокировал солдата.

– В 147-й, сэр.

– О'кей, рядовой.

Смирнов зашагал по коридору уверенной походкой, расправив плечи. У него был вид настоящего полковника. Вдруг он остановился и, повернувшись, чертыхнулся.

– Эй... рядовой!

Джексон снова вытянулся в струнку:

– Да, сэр!

– Спуститесь к моему джипу. Я забыл там проклятый портфель!

Джексон непроизвольно шагнул к лифту, потом замер:

– Извините, сэр. Я нахожусь на посту.

Смирнов едва удержался от смеха, почувствовав испуг солдата.

– Я вас отпускаю! Я же здесь, верно? Принесите мой портфель.

– Есть, сэр!

Джексон нажал кнопку вызова лифта; когда двери открылись, он шагнул в кабину и поехал вниз.

Возле больницы стоял армейский джип. Джексон подбежал к машине. Двое рядовых первого класса разговаривали, стоя возле автомобиля. Они повернулись к Джексону.

– Портфель полковника, – выпалил Джексон.

– Пожалуйста, – отозвался один из солдат.

Дальнейшее произошло так быстро, что Джексон не успел ничего понять. Солдат, стоявший ближе к Джексону, ударил Вилли в челюсть кастетом. Его напарник подхватил винтовку, выпавшую из рук Джексона. Первый солдат запихнул потерявшего сознание Джексона в джип, протянул своему товарищу пухлый портфель, накрыл рядового брезентом и быстро уехал.

Кордак, оставшийся солдат, бросился в больницу. При входе он замедлил шаг, кивнул сидевшему в приемном покое служащему, который бросил на него скупающий взгляд, вошел в кабину лифта и поднялся на четвертый этаж.

Смирнов прогуливался по коридору.

– Ну?

Кордак, худошавый темноволосый молодой человек с мордочкой хорька, уже давно работал на Смирнова. Он кивнул и усмехнулся:

– Все в порядке.

Он отдал Смирнову портфель, закинул винтовку на плечо и начал прогуливаться по коридору.

Смирнов скрылся в ближайшем туалете. Он вытащил из портфеля белый докторский халат и надел его на военную форму. Сунул фуражку с высокой тульей в корзину для грязного белья. Извлек из портфеля стетоскоп, который повесил на шею, а также маленькую плоскую коробочку со шприцем и ампулу с бесцветной жидкостью. Его движения были быстрыми: за несколько секунд американский полковник превратился в деловитого больничного доктора.

Он вышел в коридор.

Кордак направился к Смирнову.

– Раздобудь каталку! – приказал тот. – Они должны стоять где-то на этаже!

Смирнов торопливо зашагал по коридору к палате номер 140. Открыл дверь и зашел в полутемную комнату, где на больничной койке лежала женщина. Золотистые волосы обрам-

ляли ее красивое белое лицо. Крупные темно-синие глаза сонно посмотрели на приблизившегося к кровати Смирнова.

– Добрый вечер, – произнес Смирнов. – Надо сделать укол. Вы должны много спать.

Женщина ничего ему не ответила. Она молча следила за движениями Смирнова. Он долго учился обращаться со шприцем и теперь уверенно держал его в руке. Когда он коснулся своими горячими пальцами прохладного запястья женщины, она вздрогнула.

– Все будет хорошо, – успокаивающим тоном произнес Смирнов; он проткнул иглой загорелую кожу.

Обхватив коленями водосточную трубу, Джоджо карабкался вверх. Держась цепкими грязными пальцами за выступ стены, он подтянулся; вскоре ему удалось встать на выступ. Он замер, перевел дыхание. Внизу он видел Саду, нервно шагающего туда-сюда возле своего автомобиля. Джоджо прильнул к мокрой от дождя стене. Прямо под ним остановился черно-белый «ситроен» «скорой помощи». Крупный седой мужчина в белом халате покинул место водителя.

Это не заинтересовало Джоджо. Он посмотрел на следующий выступ, тянувшийся десяти футами выше. Джоджо продолжил свое восхождение. Ему пришлось пережить опасный момент. Труба была мокрой, скользкой. В какой-то миг китайцу показалось, что ему не удержаться; он балансировал между жизнью и смертью. Проскользив вниз три фута, Джоджо замер и злорадно усмехнулся. Он не боялся смерти. Ради больших денег он был готов пойти на риск.

Саду следил за напарником. Когда Джоджо едва не сорвался, Саду в ужасе втянул в себя воздух. Темная фигурка парня поднялась на карниз четвертого этажа; передохнув минуту, Джоджо полез на пятый этаж.

Капли дождя падали на разгоряченное лицо Саду. Он слышал, как бьется его сердце. Еще одна стайка оживленно беседующих и смеющихся медсестер, покинув больницу, прошла мимо Саду. Боясь, что его запомнят, Саду сел в автомобиль и дрожащей рукой закурил сигарету. Он обрадовался тому, что нашел предлог не смотреть, как Джоджо передвигается по карнизу, заглядывая в поисках Эрики Ольсен в освещенные окна.

Джоджо не знал, что убитая им медсестра обманула его. На пятом этаже не было женских палат.

Он все еще, чертыхаясь, двигался по выступу, когда элегантный черный «мерседес» подкатил ко входу в здание. Вышедший из машины Гирланд захлопнул дверцу. Краем глаза он заметил стоявший в тени «ситроен» «скорой помощи». Этот автомобиль не привлек его внимания: возле больниц часто стоят машины «скорой помощи».

Он взбежал по ступеням подъезда и вошел в холл.

– Месье? – окликнул его служащий приемного покоя, строго посмотрев на Гирланда. – Время посещений уже истекло.

– Мне нужен доктор Форрестер, – без задержки отозвался Гирланд.

– Его уже нет. Он ушел домой.

– Мне надо забрать жену, – сказал Гирланд. – Она лежит в палате номер 140. Вы ее знаете?

Лысеющий маленький администратор с темными мешками под глазами немного оживился. Кто в больнице не слышал о пациентке с татуировкой?

– Это женщина, которая потеряла память?

– Да, – сказал Гирланд. – Я забираю ее домой. Кто ею занимается?

Администратор раскрыл регистрационный журнал, посмотрел в него и произнес:

– Меня предупредили... вы – месье Гирланд?

– Верно.

– Медсестра Рош. – Он позвонил по телефону и сказал: – Она сейчас спустится.

Гирланд удержался от соблазна закурить. Он внезапно почувствовал, что голоден. Все произошло слишком стремительно. От Дори он направился в гараж, где прослушал лекцию

о спецоборудовании машины; заехав к себе, взял бритвенные принадлежности и другие предметы первой необходимости, после чего помчался в больницу. Времени поесть у него не было. Теперь ему предстояло проехать девятьсот километров с женщиной, от которой следовало ожидать уйму хлопот. Ночь будет не из легких, подумал он, покачав головой.

Молоденькая медсестра вышла из лифта. Ей не было и двадцати. Ее живое маленькое личико и веселые глаза привлекли внимание Марка.

– Вы приехали за вашей женой, мистер Гирланд?

– Совершенно верно.

– Доктор Форрестер меня предупредил. Вы на машине?

– Да. Как она себя чувствует? Она способна ехать в автомобиле?

– Да. Доктор Форрестер находит ее состояние удовлетворительным. Она может ехать в машине.

– Тогда идем к ней.

Когда они подошли к лифту, медсестра, которую звали Джинни Рош, спросила Гирланда:

– Мы все тут умираем от любопытства, мистер Гирланд. Сделать эту татуировку было вашей идеей?

Гирланд с серьезным выражением лица посмотрел на девушку:

– Нет. Это старая семейная традиция. Вы бы видели ее мать.

Глаза медсестры округлились.

– Какой ужас!

– Моя жена гордится своей татуировкой, – сказал Гирланд, когда они оказались в лифте. – Мне приходится следить за Эрикой. Она все время хочет продемонстрировать ее кому-нибудь... возникают неловкие ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.